

УДК 81-112

UDC

DOI: 10.17223/18572685/52/9

ПОНЯТИЕ «ТОСКА / ПЕЧАЛЬ» В РУСИНСКОМ ЯЗЫКЕ: ИСТОРИКО-АРЕАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

Л.П. Дронова

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: lpdronova@mail.ru

Авторское резюме

Историко-ареальный и этимологический анализ наименований базовой эмоции *тоска* (тоска / печаль) позволил выяснить, что лексика, представляющая понятие *тоска*, исконно славянская (за исключением *банá*, заимствования из венгерского), что в русинском языке наибольшую историческую глубину имеют лексемы *жаль* и *туга́*, которые восходят к общеславянскому (праславянскому) фонду, отражают наиболее ранний этап представления об этой эмоции в сознании славян. Только славянские генетические связи обнаруживаются у *жу́ра*, являющейся частью русинско-украинско-белорусской семантической изоглоссы (восточнославянский регионализм). Своеобразие словообразовательной структуры русин. *туск*, укр. *туск*, *туска* позволяет предположить сохранение в русинском и украинском особенности языка некой племенной группировки (праславянский диалектизм).

Ключевые слова: лексика эмоций, русинский язык, славянские языки, история.

THE CONCEPT “*MELANCHOLY / SADNESS*” IN THE RUSIN LANGUAGE: HISTORICAL AND AREAL LINKS

L.P. Dronova

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: lpdronova@mail.ru

Abstract

Diachronic areal and etymological analysis of the names of basic emotion '*toska*' (melancholy/sadness/boredom) has shown that the lexical units representing the concept '*toska*' belong to the native Slavic fund, except *baná*, borrowed from Hungarian. The author has discovered that the lexemes with the greatest historical depth in the Rusin language are *zhal'* and *tugá*, which go back to the common Slavic (Proto-Slavic) fund and reflect the earliest stage of formation of the concept of '*toska*' in the Slavs' cognition. *Zhúra*, which is a part of the Rusin-Ukrainian-Belarusian isogloss (an Eastern Slavic regionalism), has only Slavic genetic links. The derivative features of the Rusin *tusk*, Ukrainian *tusk*, *tuska* allow supposing that the Rusin and Ukrainian languages have preserved the peculiarities of a certain tribal group (Proto-Slavic dialectism).

Keywords: emotion vocabulary, Rusin language, Slavic languages, history.

Постановка проблемы, аспекты исследования. Эмоции являются мотивационной системой человеческого сознания и всего вербально-го и авербального общения человека. Элементарные поведенческие эмоциональные реакции, происходящие на основе простейших психических процессов, принято называть базовыми, универсальными. К их числу относят прежде всего страх, гнев, а также печаль, радость-удовольствие. Это эмоции от природы, культурно необусловленные, генетически заложенные на основе эмоционального опыта, общего для всех людей, в отличие от второй группы эмоций, социализированных, таких как жалость, любовь, счастье и др. Разделение эмоций на базовые / небазовые далеко не бесспорно (ср.: Вежбицкая 2001: 15–19; Красавский 2008: 31, 101–03; Шаховский 2010: 57 и др.). Исследователи, предпринимавшие попытки описания концептов эмоций (Вежбицкая 2001: 21–117; Димитрова 2001 и др.), указывают на их диффузный характер. А. Вежбицкая, ссылаясь на У. Джеймса (1890), писала: «...на этот в значительной степени туманный мир чувств каждый язык накладывает свою собственную интерпретирующую сетку координат... каждый народ нашел имена для оттенков чувств, которые не выделяются другими народами (Вежбицкая 2001: 17). То есть ни за каким именем эмоций не стоит универсальный когнитивный сценарий, поскольку эмоция – это недискретная сущность, а языковой эмотив дискретен. Более того, толкование имен эмоций (в том числе и эмоционально-оценочное) отдельными индивидуумами далеко не всегда совпадает в рамках одного и того же этнического сообщества. Можно полагать, что составители лексикографических толкований именовании эмоций опираются на стереотипные, наиболее распространенные представления языкового сообщества об описываемом явлении (Красавский 2008: 83). Так, например, семантика русских

слов *печаль, грусть, тоска* передается одним англ. *sadness* (Вежбицкая 2001: 21–29). Диффузность семантики может подпитываться и синкретичностью исходных номинаций (об этом см.: Колесов 1991: 40–49; Пименова 2000: 3–15).

Учитывая диффузность эмоции как психофизической реакции и сложность семантической структуры их имен (кроме ядерной части включается широкая периферия, формируемая многочисленными образно-оценочными коннотациями), берем для анализа как недискретное понятие «тоска / печаль» (как два аспекта понятия), выделенное на основании трудности разграничения их в реальном употреблении, близости ядра семантики этих лексем – ‘переживаемые глубокие отрицательные эмоции, имеющие свою причину’ (*печаль* ‘чувство грусти и скорби, душевной горечи’ и ‘то, что печалит’, *тоска* ‘тяжелое, гнетущее чувство, душевная тревога’ и ‘то, что вызывает это чувство’ (МАС 1983: 117; МАС 1984: 389). Не включаем сюда близкое в употреблении *грусть*, обозначающее чувство печали, легкого уныния, как именование не столь глубокой и продолжительной эмоции (о грусти можно сказать: *легкая, мимолетная, тайная грусть*, но не о печали, тоске). Историко-ареальный аспект анализа позволяет выявить глубину формирования значимого для этноса понятия «тоска / печаль», этапы усложнения (дискретности) понятия, отражающиеся в образовании синонимических средств выражения этого понятия, увидеть ареальные связи русинского в зеркале истории формирования понятия об одной из базовых эмоций.

Методика анализа. Поскольку эмоция базовая, то и исторические корни ее формирования и отражения в языке глубокие, поэтому для анализа материала привлекается лингвистическая реконструкция (приемы сравнительно-исторического метода). В частности, важен учет словообразовательных моделей, засвидетельствованных для выражения базовых понятий, что позволяет в большинстве случаев уточнить историческую глубину слова (по активности, распространенности словообразовательной модели), а ареальные связи дают возможность выявить раннеславянские диалектные отношения, затемненные последующей перегруппировкой славян при расселении на Балканах, в Восточной Европе (Иванов, Топоров 2000: 414). Полагаем, что такой подход позволяет поставить определенные исторические вехи в судьбе русинского языка.

По лексикографическим источникам мы выделили пять лексем, представляющих в русинском языке понятие «тоска»: *банá, туск, туга́, жаль, жу́ра*.

Как обозначение культурно значимого понятия эти лексемы большей частью имеют исконно славянские корни. Исключение в названном ряду именовании тоски представляет слово *бана* (*бановань, ба-*

нованя) 'тоска, грусть, печаль; сожаление, переживание' (Керча 2007а: 63), известное украинскому (*бана* 'туга', *банувати* 'тужити, нидіти'), западнославянским (чеш. *banovati*, слов. *banovat*, польск. *banować*), болгарскому (*банувам*) языкам. Считается, что по происхождению это заимствование из венгерского языка (ЕСУМ 1982: 135), т. е. это относительно позднее включение в выражение понятия «тоска» в русинском языке. Но в силу значимости и авторитета венгерского языка в регионе (особенно в рамках Австро-Венгерской империи) это заимствование получило широкое распространение и активное употребление.

Остальные лексемы, выражающие понятие «тоска», исконно славянские, имеют соответствия в других славянских языках. Русин. *туга́* 'мечта, томление, сильное желание; печаль, тоска, грусть'; *тужити* 'печалиться, тосковать' (Керча 2007б: 436) имеет формально-семантические соответствия во всех ареалах славянских языков, ср.: укр. *ту́га* 'душевная тревога с грустью'; рус. диал. *туга* 'печаль, тоска'; др.-рус. *туга* 'горе, печаль, скорбь; страдание; невзгоды'; с.-хорв. *туга* 'печаль, грусть, тоска'; *туговати* 'горевать, грустить, тосковать' (*пресвиснути од туге* 'умереть с тоски'), *туголив* 'щекотливый; тяжелый, печальный, грустный'; *тужити* 1 'подавать жалобу', *тужити* 2 'оплакивать кого-л.' *тужба* 'жалоба, иск'; чеш. *touha* 'тоска', *tužba* 'сильное, страстное желание', *toužiti* 'жаждать (чего), стремиться', *toužený* 'желанный'; в.-луж. *tuha* 'духота, зной; подавленность, упадок духа' (Толстой 1957: 959–960; ЕСУМ 2006: 667).

Русинские лексемы *жаль* 'сожаление, жалость; огорчение; грусть, печаль, тоска' (*носити жаль (жалобу)* 'носить траур', *глубокий жаль* 'скорбь, горечь'), *жальный* 'печальный, грустный, жалобный', *жаловати* 'жалеть' (Керча 2007а: 272) соотносятся с широким кругом однокорневых образований во всех славянских языках с семантикой 'жалеть' и 'сострадать, сочувствовать кому-л.', 'сокрушаться, скорбеть', 'беречь, щадить', 'жалеть, скупиться' (в русских диалектах и 'любить'), напр., укр. *жаль*, *жалість* 'жалость', *жаліти*, *жалувати* 'сочувствовать кому-л.'; блр. *жаль* 'жалость'; рус. *жалеть*, *жалость* 'чувство соболезнования, сострадания'; болг. *жал* 'жалъ', *жалост*; с.-хорв. *жалити* 'жалеть, оплакивать кого-л.', *жалост* 'горе, печаль; траур'; чеш. *želeť*; польск. *żałować* 'жалеть' и др. (ЕСУМ 1985: 186; Черных 1994: 291).

Таким образом, русин. *туга* и *жаль* при всей метафоричности номинации ('*то, что тяготит душу', '*то, жалит душу'), судя по словообразовательно-генетическим и ареальным связям, восходят к общеславянскому (праславянскому) фонду, относятся к наиболее раннему этапу представления об этой эмоции в сознании славян.

Рассмотрим русин. *жу́ра* 'забота, горе; грусть, печаль, тоска', *жу́рити* 'печалить, горевать, беспокоить' (Керча 2007а: 279–280), укр. *жу́ри́ти*

‘печалить’, *журѣти(ся)* ‘печалиться, горевать, сокрушаться’, *журба́* ‘печаль, кручина’, *журливый* ‘печальный’; блр. *журыцца* ‘кручиниться’, *журба́* ‘кручина’. В русском языке *журить* известно из текстов XVII в. («Житие» Аввакума: «*журят мне, что патриарху не покорился*») (Черных 1994: 309); современное русское *журить* ‘слегка бранить кого-л., выговаривать кому-л., ворча на него’. То есть русское *журить* семантически достаточно далеко отстоит от других восточнославянских соответствий. Еще дальше по семантике южнославянские образования: с.-хорв. *жу́рити(се)* ‘торопить(ся), спешить’, *журба́* ‘спешка, поспешность, торопливость’, *журан* ‘спешный, неотложный; торопливый’; словен. *žuriti(se)* ‘торопить(ся)’ (Толстой 1957: 180; Черных 1994: 309). В этимологическом отношении не вполне ясное слово. «Может быть, старшее значение было ‘причинять кому-л. горе, печаль, расстраивать кого-л.’, отсюда ‘торопить, вызывать потребность в чем-л., беспокоить’» (ЕСУМ 1985: 210; Черных 1994: 309). Следовательно, русинское, украинское и белорусское *журить* (-и) – это некий регионализм на уровне восточнославянских языков.

Русинское *туск* ‘тоска, хандра’, *тускный* ‘тоскливый’, *тусковáти* ‘тосковать’ (*Тобі чо́гось тускно стало*) (Керча 2007 б: 439) соотносится с укр. *туск*, *ту́ска́*, *ту́сок* ‘беспокойство, страх, подавленность’, *тускува́ти* ‘тужить’, связей же с другими славянскими языками не обнаруживает (ЕСУМ 2006: 685). Сближаясь семантически с однокорневыми образованиями в восточно- и западнославянских языках (рус. *тоска*, укр. *тоскна* ‘тоска, печаль’, чеш. *stesk* ‘тоска’, *teskný* ‘тоскливый, заунывный’, ст.-польск. *teskny* ‘тж’ (< слав. *тъsk-<*tǔsk-)), русин. *туск* соотносится по форме только с укр. *туск* (*ту́ска́*, *тусок*) ‘жаль, туга, жура, смутка’, и обе эти лексемы образованы от корня в другой ступени огласовки (<*tousk-) (ЕСУМ 2006: 685). Вероятно, ареал распространения этого славянского диалектизма (регионализма) был когда-то шире, но этот след ведет скорее на исходную праславянскую территорию (ср. фамилию польского политика Дональда Туска, который родом из Кашубии, Поморье). С другой стороны, иную, чем в других славянских языках, модель образования (от корня в другой ступени огласовки) можно рассматривать как след диалектной дифференциации праславянского, сохранение в русинском и украинском особенности языка некой племенной группировки.

Таким образом, особенности функционирования и историко-ареальные связи лексики, выражающей понятие «тоска» в русинском языке, позволяют сделать следующие выводы.

1. Обозначение эмоции печали / тоски как элементарной поведенческой эмоции, генетически заложенной в человеке и значимой в культуре, в русинском языке закономерно имеет глубокие исторические корни. Наибольшую глубину (генетические связи праславянского

и индоевропейского уровня) имеют лексемы *жаль* и *туга́*, которые восходят к общеславянскому (праславянскому) фонду, относятся к наиболее раннему этапу представления об этой эмоции в сознании славян. Только славянские генетические связи обнаруживаются у *жу́ра*, но при этом семантически это восточнославянский регионализм.

2. Семантика исконных лексем *жаль*, *туга́*, *жу́ра* неоднородна, диффузна, что характерно для именовании эмоций: обозначение тоски-печали-грусти взаимодействует с обозначением жалости-сожаления, заботы-беды-(со)страдания, мечты, сильного желания (того, с чем связана тоска) и скуки-хандры. Эта диффузность семантики лексем, соотносящихся с понятием «тоска / печаль», объясняется не только размытостью формирующих эмоцию сегментов (в природе не бывает «чистых» эмоций: в действительности они тесно сплетены, всякая эмоция комплексна), но и синкретизмом исходных номинаций. Наличие диффузной семантики у заимствованного *банá* 'тоска, грусть, печаль, сожаление' и производных от него лексем свидетельствует о полной словообразовательно-семантической адаптации этой лексемы в русинском языке.

3. Семантика лексемы *туск* 'тоска, хандра' не столь диффузна, более «сфокусирована», однородна. Вероятно, это можно объяснить следствием ее древности и региональности одновременно.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Англ. – английский; блр. – белорусский; болг. – болгарский; в.-луж. – верхнелужицкий; диал. – диалектный; др.-рус. – древнерусский; рус. – русский; русин. – русинский; слав. – славянский; слвц. – словацкий; словен. – словенский; ст.-польск. – старопольский; с.-хорв. – сербохорватский; укр. – украинский; чеш. – чешский.

ЛИТЕРАТУРА

Вежбицкая 2001 - Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2001. 272 с.

Димитрова 2001 - Димитрова Е.В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 20 с.

ЕСУМ 1982 - Етимологічний словник української мови = Этимологический словарь украинского языка / Акад. наук Украинской ССР, Ин-т языковедения им. А.А. Потебни. Голов. ред. О.С. Мельничук. Укладачі Р.В. Болдырев, В.Т. Коломієць, Т.Б. Лукінова и др.: в 7 т. Т. 1: А–Г. Киев: Наукова думка, 1982. 632 с.

ЕСУМ 1985 - Етимологічний словник української мови = Этимологический словарь украинского языка / Акад. наук Украинской ССР, Ин-т языковедения

им. А.А. Потебни. Голов. ред. О.С. Мельничук. Укладачі Р.В. Болдырев, В.Т. Коломієць, Т.Б. Лукінова и др.: в 7 т. Т. 1: А–Г. Киев: Наукова думка, 1985. 570 с.

ЕСУМ 2006 - Етимологічний словник української мови = Этимологический словарь украинского языка / Акад. наук Украинской ССР, Ин-т языковедения им. А.А. Потебни. Голов. ред. О.С. Мельничук. Укладачі Р.В. Болдырев, В.Т. Коломієць, Т.Б. Лукінова: в 7 т. Т. 6: П–Т. Киев: Наукова думка, 2006. 704 с.

Иванов, Топоров 2000 - *Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* О древних славянских этнонимах (основные проблемы и перспективы) // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь. М.: Языки русской культуры. 2000. С. 413–440.

Керча 2007а - *Керча И.* Русинсько-російський словник. Понад 58 000 слів = Русинско-русский словарь. Свыше 58 000 слов: в 2 т. Т. 1: А–Н. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. 608 с.

Керча 2007б - *Керча И.* Русинсько-російський словник. Понад 58 000 слів = Русинско-русский словарь. Свыше 58 000 слов: в 2 т. Т. 2: О–Я. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. 608 с.

Колесов 1991 - *Колесов В.В.* Семантический синкретизм как категория языка // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2. 1991. Вып. 2, № 9. С. 40–49.

Красавский 2008 - *Красавский Н.А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М.: Гнозис, 2008. 374 с.

МАС 1983 - Словарь русского языка: в 4 т. / Ред. А. П. Евгеньева. 2-е изд. М., 1983. Т. 3.

МАС 1984 - Словарь русского языка: в 4 т. / Ред. А. П. Евгеньева. 2-е изд. М., 1984. Т. 4.

Пименова М.В. Семантический синкретизм и синкретсемиа в древнерусском языке. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 15 с.

Толстой 1957 - *Толстой И.И.* Сербско-хорватско-русский словарь: Около 50 000 слов. М.: ГИС, 1957. 1168 с.

Черных 1994 - *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1994. Т. 1.

Шаховский 2010 - *Шаховский В.И.* Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 128 с.

REFERENCES

Wierzbicka, A. (2001) *Sopostavleniye kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki* [Comparing cultures using lexis and pragmatics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Dimitrova, Ye.V. (2001) *Translyatsiya emotivnykh smyslov russkogo kontsepta "toska" vo frantsuzskuyu lingvokul'turu* [Communicating the emotive senses of the Russian concept "toska" to the French linguistic culture]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.

Melnichuk, O.S. (ed.) (1982) *Yetimologichnyi slovník ukraїн'skoi movi* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.

Melnichuk, O.S. (ed.) (1985) *Yetimologichnyi slovník ukraїн'skoi movi* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.

- Melnichuk, O.S. (ed.) (2006) *Yetimologichniy slovník ukraïn'skoï movi* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 6. Kyiv: Naukova dumka.
- Ivanov, V.Vs. & Toporov, V.N. (2000) O drevnikh slavyanskikh etnonimakh (osnovnyye problemy i perspektivy) [On the Old Slavic ethnonyms (principal problems and future trends)]. In: Petrukhin, V.Ya. et al. *Iz istorii russkoy kul'tury* [From the History of Russian Culture]. Vol. 1. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 413–440.
- Kercha, I. (2007a) *Rusins'ko-rosiys'kiy slovník* [The Rusin-Russian Dictionary]. Vol. 1. Uzhhorod: PoliPrint.
- Kercha, I. (2007a) *Rusins'ko-rosiys'kiy slovník* [The Rusin-Russian Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.
- Kolesov, V.V. (1991) Semanticheskii sinkretizm kak kategoriya yazyka [Semantic syncretism as a linguistic category]. *Vestnik Leningradskogo universiteta*. Ser. 2. 2(9). pp. 40–49.
- Krasavskiy, N.A. (2008) *Emotsional'nyye kontsepty v nemetskoj i russkoy lingvokul'turakh* [Emotional concepts in German and Russian linguistic cultures]. Moscow: Gnozis.
- Yevgenyev, A.P. (ed.) (1983) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [The Dictionary of the Russian Language: in 4 vols]. 2nd ed. Vol. 3. Moscow: Russian Academy of Sciences.
- Yevgenyev, A.P. (ed.) (1984) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [The Dictionary of the Russian Language: in 4 vols]. 2nd ed. Vol. 4. Moscow: Russian Academy of Sciences.
- Pimenova, M.V. (2000) *Semanticheskii sinkretizm i sinkretsemya v drevnerusskom yazyke* [Semantic syncretism and syncretisms in the Old Russian language]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
- Tolstoy, I.I. (1957) *Serbsko-khorvatsko-russkiy slovar'* [The Serbian-Croatian-Russian Dictionary]. Moscow: GIS.
- Chernykh, P.Ya. (1994) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and Etymological Dictionary of Modern Russian Language: In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
- Shakhovskiy, V.I. (2010) *Emotsii: Dolingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya* [Emotions: pre-linguistics, linguistics, linguistic cultural studies]. Moscow: LIBROKOM.

Дронова Любовь Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Liubov P. Dronova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: lpdronova@mail.ru